

БУДЕМ СТОЯТЬ, ПОКА ЖИВЫ!

ИЗ ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК

КОМИССАР 172-й дивизии Черниченко рассказал нам, что лучше всего у них в дивизии дерется полк Кутепова, занимающий вместе с другим полком позиции на том берегу Днепра и обороняющий Могилев. Мы, посоветовавшись, решили ехать в полк утром.

— Утром? — переспросил Черниченко. — Утром вы в этот полк не проедете. Надо ехать сейчас, ночью. В светлое время вы до него не доберетесь.

Трошкин, узнавший, что полком Кутепова подбито и захвачено много немецких танков, торопил меня. Он еще с самого начала поездки сказал, что не вернется, пока не снимет разбитых немецких танков. По газетным сообщениям, число их давно перешло уже за тысячу, а снимков пока не было ни одного. Жгли и подбивали их много, но при отступлении они неизменно оставались на территории, занятой немцами.

Мы переехали через Могилевский мост и проехали ночной пустынный, молчаливый Могилев. У одного из домов стоял грузовик, из которого тихо, один за другим, выносили носилки с ранеными. В городе чувствовался железный порядок. Не болталось никого лишнего; на перекрестках у орудий, не отходя от них, накрывшись плащ-палатками, дремали оружейные расчеты. Все делалось тихо. Тихо проверяли пропуска. Тихо показывали дорогу.

С нами ехал проводник из политотдела, без которого мы, конечно, никогда не нашли бы ночью полковника Кутепова.

На пятом или шестом километре за Могилевом мы свернули с дороги вправо и въехали в какие-то заросли, где нас сейчас же задержали. Нас обрадовал порядок в Могилеве, обрадовало и то, что, как только мы свернули с дороги, нас задержали. Очевидно, в этом полку ночью никуда нельзя было пробраться, не наткнувшись на патрульных.

Нас всех троех под конвоем доставили в штаб полка. Из окопа навстречу нам поднялся очень высокий человек и спросил, кто мы такие. Мы сказали, что мы корреспонденты. Было так темно, что лиц невозможно было разглядеть.

— Какие корреспонденты? — закричал встретивший нас человек.

— Какие корреспонденты могут быть здесь в два часа ночи? Кто ездит ко мне в два часа ночи? Кто вас послал? Вот я вас сейчас положу на землю, и будете лежать до рассвета. Я не знаю ваших личностей.

Мы сказали, что нас послал сюда комиссар дивизии.

— А вот я положу вас до рассвета, — упрямо повторил высокий, — и доложу утром комиссару дивизии, чтобы он не присылал мне по ночам незнакомых людей в расположение полка.

Сробевший поначалу провожатый наконец подал голос:

— Товарищ полковник, это я. Мионов, из политотдела дивизии. Вы же меня знаете.

— Да, вас я знаю, — сказал полковник. — Знаю. Только поэтому я не положу их до рассвета. Вы сами посудите, — вдруг, смягчившись, обратился он к нам. — Сами посудите, товарищи корреспонденты. Знаете, какое положение. Приходится быть строгим. Мне уже надоело, что кругом все — диверсанты да диверсанты. Я не желаю, чтобы в расположении моего полка даже и слух был о диверсантах. Не признаю я их. Если охранение несется правильно, никаких диверсантов быть не может. Пожалуйста в землянку, там ваши документы проверят, а потом поговорим.

После того как в землянке проверили наши документы, мы снова вышли на воздух. Ночь была холодная. Даже когда полковник говорил с нами сердитым голосом, в его манере говорить было что-то привлекательное. А сейчас он окончательно сменил гнев на милость и стал рассказывать нам о только что закончившемся бое, в котором он со своим полком уничтожил 39 немецких танков. Он рассказывал об этом почти с мальчишеским задором.

— Вот говорят — танки, танки. А мы их бьем. И будем бить. Утром сами посмотрите. У меня тут двадцать километров окопов и ходов сообщения нарыто. Это точно. Если пехота решила не уходить и закопалась, то никакие танки с ней ничего не смогут сделать, можете мне поверить. Вот завтра, наверное, немцы повторят то же самое. И мы то же самое повторим. Сами увидите. Вот один стоит, пожалуйста. — И он показал на темное пятно, видневшееся метрах в двухстах от его командного пункта. — Вон там этот танк стоит. Вот куда дошел, а все-таки ничего у них не вышло.

Около часа он рассказывал о том, как трудно было сохранить боевой дух в полку, не дать полку прийти в расхлябанное состояние, когда его полк оседлал это шоссе и в течение десяти дней мимо полка, сквозь него, проходили с запада на восток сотни и тысячи окруженцев — кто с оружием, а кто и без оружия. Пропуская их через себя в тыл, надо было не позволить упасть боевому духу полка, на глазах у которого шли эти тысячи людей.

— Ничего, не дали, — заключил он. — Вчерашний бой служит тому свидетельством. Ложитесь спать здесь, прямо возле окопа. Если пулеметный огонь будет — спите. А если артиллерия начнет бить, тогда милости прошу вниз, в окопы. Или ко мне в землянку. А я пойду обойду посты. Извините.

Мы с Трошкиным легли и сразу заснули. Спали, наверно, минут пятнадцать. Потом с одной стороны началась ожесточенная

и что ему с его полком, должно быть, придется остаться в окружении. Но у него была гордость солдата, не желавшего знать и не желавшего верить, что рядом с ним какие-то другие части плохо дерутся. Ему не было до этого дела. Он хорошо закопался, его полк хорошо дрался и будет хорошо драться. Он верил в это и считал, что другие должны делать так же. А если они не делают так же, как он, то ему до этого нет дела, он с этим не желает считаться. Он хочет думать, что вся армия дерется так же, как его полк. А если это не так, то он готов погибнуть. И из-за того, что другие плохо дерутся, менять своего поведения не будет.

И слова Кутепова, а еще больше то настроение, которое я почувствовал за его словами, потом много раз вспоминались в последующие месяцы, когда то в одном, то в другом месте фронта я слышал, как люди, рассказывая о своих неудачах, говорили: «Мы бы стояли, да вот сосед справа...», «Мы бы не отошли, да вот сосед слева...» Может быть, формально они и были правы, но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что правы не они, а полковник Кутепов.

— Как вы думаете, — спросил я у полковника, — что сегодня будет происходить перед фронтом вашего полка?

Он пожал плечами: — Одно из двух: или, разозлившись на вчерашнюю неудачу, немцы повторят свои атаки и будет такая же горячка, как вчера, или решат попробовать там, где послабее, и тогда у нас будет полная тишина. А в общем, советую вам, если хотите снять эти подбитые танки, как можно скорее идите к ним.

Кутепов позначил нас с комиссаром полка батальонным комиссаром Зобниным, и мы пошли в батальон. По дороге туда видели всю систему обороны полка. Ничего особенно мудреного тут не было, но были отбиты прекрасные окопы полного профиля, было много ходов сообщения, столько, что никаким артиллерийским огнем нельзя было полностью прервать управление полком, оторвать батальоны один от другого. Командные пункты батальонов и даже рот были размещены в таких блиндажах, что вчера немецкий танк с сопрокаметрового расстояния выпустил по одному из таких блиндажей полсотни снарядов и все-таки не смог разбить его.

Передний край обороны полка, там, где мы вышли к нему, шел вдоль лесной опушки: лес был низкорослый, но густой. Там были немцы, и оттуда они вчера вели атаки. Впереди на ржаном поле виднелись окопчики боевого охранения. К ним шли ходы сообщения.

Мы зашли на командный пункт батальона. Командир батальона капитан Гаврюшин был человеком лет тридцати, уже два или три дня небритый, с усталыми глазами и свалывшимися под фуражкой волосами. На лице его было странное выражение одинаковой готовности еще сутки вести бой, говорить и действовать, и в то же время — готовности уснуть в любую секунду.

Перед тем как снять Гаврюшина, Трошкин заставил его переползаться по земле, надеть через плечо автомат, а вместо фуражки — каску. Вся эта амуниция удивительно не шла капитану, так же как она обычно не идет людям, сидящим на передовой и каждый день глядящим в глаза смерти. Мы сказали Гаврюшину, что, пока затишье, хотим снять танки, видневшиеся невдалеке перед передним краем батальона. Отсюда была видна только часть сожженных танков. Еще несколько танков, как сказал нам Гаврюшин, было ниже, в ложбинке, метрах в пятистах от этой видневшейся группы; отсюда их не было видно.

— Затишье? — с сомнением переспросил нас Гаврюшин. — Ах, да, да, затишье. Но ведь они стоят за нашим боевым охранением. Там во ржи могут немцы сидеть, автоматчики. Могут из лесу стрелять, а могут отсюда, из ржи.

Но Трошкин повторил ему, что он приехал именно затем, чтобы снять танки, и есть ли во ржи автоматчики или нет, его не интересует. Ему надо снять танки. Он горячился, потому что в эту поездку с самого начала был одержим идеей во что бы то ни стало снять разбитые немецкие танки.

— Ну что ж, — сказал Гаврюшин, — тогда я сейчас пошлю вперед людей, пусть заползут в рожу и залегут впереди танков на всякий случай. А вы потом вслед за ними пойдете минут через десять.

Он вызвал лейтенанта, который должен был проводить Трошкина к танкам.

— А вы? — спросил он меня. — Вам тоже нужно снимать танки?

Я ответил, что нет, что мне нужно только поговорить с людьми.

— Тогда пойдём с вами в роту Хорошева, — сказал Гаврюшин. — А ваш товарищ потом тоже подойдет туда к нам.

В ДУШЕ я был рад этому предложению, потому что в первый момент у меня не возникло никакого желания идти и ползти туда вперед и присутствовать при том, как Трошкин будет находиться на виду у немцев — снимать танки. А когда Трошкин с лейтенантом уже ушли, мне тоже вдруг захотелось посмотреть поближе на эти танки. Я сказал об этом Гаврюшину, и мы пошли с ним вместе по ходу сообщения вслед за Трошкиным. Когда ход сообщения кончился у окопчиков боевого охранения, танки оказались совсем близко — метрах в двухстах. Их было семь, и стояли они очень близко один от другого.

Мы вылезли из хода сообщения и пошли по полю. Сначала все низко пригибались, и когда подошли к танкам, то Трошкин их тоже сначала снимал, сидя на корточках, а потом он вытащил из одного из танков немецкий флаг, заставил красноармейца залезть на танк и воткнуть флаг; снимал бойцов рядом с танками, на танке, с флагом и без флага, вообще окончательно обнаглел.

Чтобы немцы не утащили ночью танки, они были подорваны толлом и часть их содержимого была разбросана кругом по полю. В числе прочего барахла во ржи валялась целая штука, несколько десятков метров коричневого сукна. А рядом с ним — дамские лакированные ботинки.

Трошкин снял это, а я потом написал. Кажется, это был один из первых документов о фашистском мародерстве.

Закончив съемку, Трошкин пошел в ложинку к другой группе танков. Он хотел снять еще и их. А я пошел с капитаном Гаврюшиным в роту Хорошева.

Хорошев был еще совсем молодой парнишка в сбитой набок пилютке, такой молодой, что было странно, что вчера он тут дрался до последнего патрона, потеряв половину роты. Чтобы добраться до него, пришлось перейти через разрушенное железнодорожное полотно, мимо наполовину снесенной прямым попаданием железнодорожной будки. В пристройке к этой будке продолжал жить старик сторож. Хорошев вчера после боя подарил ему мундир немецкого лейтенанта, старик спорол с него погончики и сегодня щеголял в этом мундире.

Сидя на траве и спустив ноги в окопчик, мы с Хорошевым пожевали хлеб и разговаривали о вчерашнем бое. Через полчаса пришли разведчики, таща несколько немецких велосипедов. Два часа назад эти велосипеды бросила на шоссе немецкая разведка. Наши обстреляли ее, и она, оставив двух человек убитыми, бежала в лес, оставив велосипеды.

Было по-прежнему тихо. Вдруг нас донеслось несколько пулеметных очередей. Впереди над полем крутился «мессершмитт». Когда вернулся Трошкин, то оказалось, что эта стрельба имела к нему прямое отношение. Когда он начал снимать вторую группу танков, над ними появился этот «мессершмитт» и начал пулеметный обстрел с бреющего полета. Трошкин залез под немецкий танк и отсиживался там, пока немецкому летчику не надоело и он не улетел.

Весь день с самого утра мы ходили по позициям полка. По-прежнему все было тихо. Когда мы вернулись на командный пункт полка, Трошкин сфотографировал командира, комиссара и начальника штаба. Все они просили Трошкина отпечатать снимки и послать их не сюда к нам, а в военный городок — их женам, кажется, в Тулу. Не знаю, сделал ли это Трошкин, но, помню, у меня было тогда такое чувство, что этих людей, остающихся здесь, под Могилевом, я никогда больше не увижу и что они, не говоря об этом ни слова, даже не намекая, в сущности просили нас послать их женам их последние фотографии.

Когда мы прощались с Кутеповым, у меня было грустное чувство, хотя внешне он держался весело, и, прощаясь, устало шутил и, пожимая мне руку, говорил «до следующей встречи»...

Командир батальона капитан тов. Гаврюшин. Фото специального военного корреспондента «Известий» П. Трошкина.

ружейно-пулеметная трескотня. Мы продолжали лежать. Так устали за день, что лень было двигаться. Трескотня то утихала, то снова усиливалась, потом стала сплошной и слышалась уже не слева, там, где началась, а справа. Трошкин толкнул меня в бок:

— Костя.

— Да?

— Странно. Стрельба началась у ног, а сейчас слышится у головы.

— А ты перевернись, — сквозь сон сострил я.

Потом стрельба стихла. Понемногу начало светать. Как потом выяснилось, немцы пробовали ночью прощупать наше расположение и производили разведку огнем и боем.

УТРОМ мы наконец увидели нашего ночного знакомого — полковника Кутепова. Это был высокий худой человек с очень некрасивым усталым лицом, с ласковыми не то голубыми, не то серыми глазами и доброй детской улыбкой. Старый служака, прапорщик военного времени в первую мировую войну, настоящий солдат, полковник Кутепов как-то сразу стал дорог моему сердцу.

Мы рассказали ему, что когда проезжали через мост, то не заметили там ни одной счетверенной установки и ни одной зенитки. Кутепов усмехнулся:

— Во-первых, если бы вы, проезжая через мост, сразу заметили пулеметы и зенитки, то это значило бы, что они плохо поставлены. А во-вторых... — Тон, которым он сказал это слово «во-вторых», я, наверно, запомню на всю жизнь. — Во-вторых, они действительно там не стоят. Зачем нам этот мост?

— Как зачем. А если придется через него обратно?

— Не придется, — сказал Кутепов. — Мы так уж решили тут между собой: что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а будем стоять, пока живы. Вы походите, посмотрите, сколько накопано. Какие окопы, какие блиндажи! Разве их можно оставлять? Не для того солдаты роют укрепления, чтобы оставлять их. Истина простая, старая, а вот забывают ее у нас. Роют, роют. А мы вот нарыли и не оставим. А до других нам дела нет.

Как я потом понял, Кутепов, очевидно, уже знал то, чего мы еще не знали, что слева и справа от Могилева немцы форсировали Днепр